

ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКОМ ПЕЧАТИ.

Нужны ли переводные экзамены въ дул.-учебныхъ заведеніяхъ?

До послѣдняго времени педагогическимъ совѣтамъ гимназій и прогимназій предоставлялось право удостоивать перевода въ высшій классъ безъ испытаній тѣхъ учениковъ, которые, имѣя въ среднемъ выводѣ изъ годичныхъ отмѣтокъ по каждому предмету не менѣе 3 и не менѣе 4 по двумъ изъ главныхъ предметовъ, не могли явиться на экзамены по причинамъ, признаннымъ со стороны педагогическаго совѣта вполне уважительными, тогда какъ въ реальныхъ училищахъ съ 1895 г. при такихъ же отмѣткахъ ученики освобождались отъ экзамена безусловно. Циркуляромъ отъ 14 марта текущаго года г. министръ Н. Пр.,

находя порядокъ, установленный для реальныхъ училищъ, цѣлесообразнымъ и имѣя въ виду, что онъ уже въ общемъ примѣняется въ нѣкоторыхъ учебныхъ округахъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ и оказался на практикѣ соответствующимъ учебнымъ и воспитательнымъ планамъ,

объявилъ, чтобы ученики съ вышеозначенными отмѣтками были освобождены отъ экзаменовъ безусловно, и чтобы на прежнихъ условіяхъ переводились въ высшій классъ безъ испытаній ученики, имѣющіе вообще удовлетворительныя отмѣтки за годъ.

Прочитавъ этотъ циркуляръ, мы искренно порадовались за гимназистовъ и отъ души пожалѣли воспитанниковъ дух.-училищъ и семинарій, до сихъ поръ полностью посявшихъ на себя тяжелое бремя педагогической пытки, именуемой экзаменами. Особенно пожалѣли мы потому, что, кажется, былъ

моментъ, когда это бремя въ значительной своей долѣ могло бы быть снято и съ дух.-учебныхъ заведеній. Мы разумѣемъ 1892 годъ, когда въ циркулярѣ по дух.-учебному вѣдомству (№ 10) по распоряженію г. Оберъ-Прокурора Св. Синода была напечатана записка одного изъ педагоговъ объ экзаменахъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Думаемъ, что освѣжить въ своей памяти мысли, раскрываемыя въ этой замѣчательной по богатству обнаруженной въ ней педагогической опытности запискѣ, не бесполезно и въ настоящее время.

Почтенный авторъ записки, отвѣчая на вопросъ: достигаютъ ли экзамены приписываемыхъ имъ цѣлей, рассуждаетъ такимъ образомъ. Экзамень служитъ оцѣнкою учениковъ при ихъ переводѣ. Но развѣ нѣтъ другихъ, болѣе вѣрныхъ средствъ для этой цѣли? Ученикъ учится въ теченіе цѣлаго года подъ непосредственнымъ руководствомъ учителя, который спрашиваетъ его, замѣчаетъ достоинства его отвѣта, знаетъ степень прилежанія и способностей ученика. Можно ли сравнивать эту оцѣнку съ случайною оцѣнкою ученика на экзаменахъ? Конечно, нѣтъ. Если учитель пристрастенъ, то развѣ онъ не можетъ, если захочетъ, повредить одному и провести другаго и на экзаменѣ? При цѣлой массѣ экзаменующихся вниманіе экзаменующихъ разсѣивается, скоро утомляется. Достоинство отвѣтовъ цѣнить и знаетъ преимущественно учитель; но онъ знаетъ учениковъ и прежде экзамена. Говорятъ, что экзамены побуждаютъ учениковъ обзрѣвать предметъ въ его цѣлости. На самомъ же дѣлѣ и этого нѣтъ. Усвоить весь предметъ и обзрѣть его въ цѣломъ, въ связи всѣхъ частей его, въ какіе-нибудь два—три дня, и при этомъ вдумываться въ частности, ставить все въ систему,—невозможно и невысказимо для ученика. Готовясь къ экзамену, ученики напротивъ *разрываютъ* цѣлое, ибо готовятъ отдѣльные *билеты*. Всякій торопливо просматриваетъ то, въ чемъ чувствуетъ себя слабымъ. При этомъ, находясь подъ гнетомъ страха предстоящаго экзамена, обезсиленный болѣзненнымъ напряженіемъ ума, при постоянной работѣ даже по ночамъ, ученикъ доходитъ иногда до того, что не можетъ сообразить самыхъ простыхъ вещей. Поэтому занятія передъ экзаменами почти всегда имѣютъ характеръ спѣшной механической работы. Еще говорятъ, что годовичные экзамены даютъ возможность малоуспѣвшимъ ученикамъ на-

верстать упущенное. Но и это весьма сомнительно. Въ два—три дня торопливой работы пополнить опущенное въ теченіе года невозможно. Если подобное, повидимому, и бываетъ иногда, то отъ такихъ приобрѣтеній чрезъ недѣлю послѣ экзамена не остается и слѣда. Съ другой стороны надежда поправить свои дѣла на экзаменахъ поощряетъ ученика къ лѣни въ теченіе года. вмѣсто того, чтобы серьезно *учиться*, онъ думаетъ только о *подготовкѣ*. Ученикъ по опыту и преданію знаетъ, что за бойкіе отвѣты на экзаменѣ ему все простится. Но можетъ быть экзамены нужны для контроля надъ преподавателями? Контроль въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ необходимъ, но онъ долженъ быть не въ концѣ года, не на экзаменахъ только, а постоянно, во все время ученія, не надъ результатами, а надъ причинами и условіями ихъ. Вотъ почему ревизіи дух.-уч. заведеній, выражающія контроль высшаго начальства, никогда не назначаются на время экзаменовъ.

Итакъ польза экзаменовъ далеко не очевидна. Не слѣдуетъ ли отмѣнить ихъ? Нѣтъ.

Ожидать пользы отъ такой мѣры было бы верхомъ наивности и незнанія жизни. Мы не противъ экзаменовъ; пусть они остаются; но пусть они будутъ въ системѣ обученія тѣмъ, чѣмъ они должны быть.

Зло, говоритъ авторъ записки, коренится въ самомъ ходѣ обученія. Прежде всего надо *хорошо учить*. Теперь каждый учитель, такъ сказать влюбленъ въ свой предметъ и, пользуясь пособіями старается расширить его, не думая о томъ, что онъ не одинъ. Въ училищахъ стараются преподавать какъ въ семинаріи, а въ семинаріи—какъ въ академіи. Всѣ хотятъ быть профессорами. Нынѣшніе учебники (составители ихъ тоже учителя) распольнѣли до невозможности. Но эта толщина—не признакъ здоровья. Чрезмѣрная повышенность требованій вредитъ дѣлу. Надо стараться объ *упрощеніи*, а не объ усложненіи курса. Здѣсь мы на минуту прервемъ мысли автора записки и сдѣлаемъ замѣчаніе отъ себя. Повидимому, почтенный авторъ упускаетъ изъ виду, что учебники и учебныя руководства одобряются не учителями, и не вина послѣднихъ, что тѣ страдаютъ нездоровою полнотою. Одобренный высшимъ начальствомъ учебникъ становится уже обязательнымъ до нѣкоторой степени для учи-

теля. Всякія сокращенія учебника съ его стороны могутъ быть истолкованы напр. ревизіею въ дурную сторону. Да и сократить учебникъ можетъ быть не легче, чѣмъ вылѣчить отъ излишней полноты. Иной разъ легче написать учебникъ заново. Практикующійся иногда способъ размѣтокъ того, что нужно и что не нужно, слѣдуетъ признать весьма непедагогичнымъ. Гораздо лучше и прямѣе не допускать совсѣмъ подобныхъ учебниковъ и обязывать авторовъ ихъ сокращать ихъ до печатанія. Съ другой стороны, если преподаватель не хочетъ воспользоваться кличкою „отъ сихъ до сихъ“, онъ долженъ пополнять учебникъ своими самостоятельными объясненіями. На этомъ большею частью зиждется нравственный авторитетъ учителя въ глазахъ ученика. Да и съ педагогической точки зрѣнія, эти объясненія и пополненія едва ли должно признать нераціональными. Ученики каждаго класса всегда много разнятся по своимъ дарованіямъ и развитію. Предъявленіе ко всѣмъ имъ совершенно одинаковыхъ требованій создало бы непосильную работу для однихъ или неудовлетворяло бы любознательности другихъ. Поэтому, отъ лучшихъ учениковъ (для полученія высшихъ балловъ) требовать нѣчто большее, чѣмъ содержитъ учебникъ, долженствующій быть обязательнымъ для всѣхъ учениковъ, совершенно умѣстно. Итакъ пусть учителя будутъ „влюблены“ въ своей предметъ и будутъ иногда читать „лекціи“; необходимо только, чтобы обязательные для всѣхъ учениковъ учебники допускались изъ нестрадающихъ болѣзненною полнотою. Теперь продолжимъ мысли педагога.

Другое зло обученія—*формализмъ*: холодное, внѣшнее отношеніе къ ученію и къ ученикамъ со стороны учителя, и чисто внѣшняя исполнительность со стороны учениковъ. Эти два зла—многоученіе и формализмъ—прежде всего и слѣдуетъ устранить изъ преподаванія. Если съ улучшеніемъ обученія вести во время и въ концѣ года репетиціи, устранить *показную* внѣшность экзаменовъ (красное сукно, ковры и пр.), по возможности изъять характеръ *случайности* въ нихъ, то экзамены сами собою потеряютъ свой устрашающій характеръ и перестанутъ вредно вліять на учениковъ. При этомъ авторъ записки считаетъ полезнымъ переводить учениковъ съ очень хорошими отмѣтками безъ экзамена. Таково вкратцѣ содержаніе записки.

Во всемъ, что говорилось и писалось въ послѣднее время противъ экзаменовъ въ гимназіи, мы едвали найдемъ что либо такое, чего не отмѣтилъ бы авторъ изложенной нами записки еще въ 1892 году. Но заключенія, къ которымъ приходитъ онъ, являются нѣсколько неожиданными и имѣютъ отчасти характеръ не столько строго-логическихъ выводовъ, сколько прекрасныхъ назидательныхъ уроковъ. Со всею основательностью доказавъ, что экзамены въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ въ настоящее время не достигаютъ своихъ цѣлей и сверхъ того приносятъ значительный вредъ, авторъ записки объясняетъ это не тѣмъ, что экзамены по существу своему не могутъ дать того, чего отъ нихъ ждутъ, а нѣкоторыми ненормальностями въ постановкѣ учебнаго дѣла и самыхъ экзаменовъ. По нему экзамены могутъ выполнить свое назначеніе лишь тогда, когда будутъ *хорошо учить*—такъ, чтобы ученики приобрѣтали прочныя знанія и достигали умственного развитія спокойной, плодотворной работой въ свое время. А чтобы уничтожить вредъ отъ экзаменовъ, надо уничтожить устрашающій характеръ ихъ, устранить показную внѣшность ихъ и случайность оцѣнки. Но такъ ли это? Едвали. Ученикъ, конечно, не такъ наивенъ, чтобы бояться краснаго сукна, ковровъ и пр. Онъ боится экзаменовъ совершенно разумно, зная, что 10—15 минутъ имѣютъ здѣсь тѣже для него результаты, что цѣлый годъ ученія, и что здѣсь въ ущербъ личнымъ заслугамъ ученика слишкомъ большую роль играетъ судьба, несмотря на всевозможныя усилія экзаменующихъ изгнать ее съ экзамена. Только тогда экзамены перестанутъ быть вредными, когда два дня будутъ считаться за два дня, 15 минутъ за 15 минутъ, а не растягиваться искусственно въ цѣлый годъ, т. е. когда отвѣтъ ученика на экзаменахъ будетъ имѣть значеніе не болѣе, какъ всякая годичная репетиція. А это равно отмѣнитъ экзаменовъ. Будутъ ли экзамены лучше достигать своихъ цѣлей при хорошемъ обученіи? Сомнѣваемся. Допустимъ, что желанія автора записки относительно хорошаго обученія въ полной мѣрѣ осуществились. Что могутъ дать въ такомъ случаѣ экзамены? Могутъ ли они быть средствомъ для оцѣнки учениковъ? Если по мнѣнію автора и при теперешнихъ условіяхъ цѣлый годъ непосредственнаго руководства учителя нельзя сравнивать съ случайной оцѣнкой

ученика по 10—15 минутному отвѣту его, то не тѣмъ ли болѣе можно сказать это тогда, когда будутъ учить хорошо, съ любовью, энергіей, съ знаніемъ способностей, прилежанія и склонностей каждаго ученика? Можетъ быть тогда лучше можно контролировать учителя помощію экзаменовъ? Но если контроль на экзаменахъ не нуженъ теперь, то будетъ ли онъ нуженъ при хорошемъ обученіи? Такъ какъ и съ введеніемъ хорошаго обученія вопросъ о плохихъ ученикахъ останется въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ разсматривалъ его авторъ, то спросимъ объ успѣвающихъ ученикахъ, нужны ли экзамены имъ для приведенія въ связь и систему отдѣльныхъ уроковъ и для освѣженія ихъ въ памяти? Конечно нѣтъ, такъ какъ при хорошемъ обученіи то и другое несомнѣнно сдѣлано уже въ теченіе года повтореніями и репетиціями. Итакъ, авторъ записки полагаетъ, что чѣмъ лучше будетъ постановка учебнаго дѣла, тѣмъ цѣлесообразнѣе будутъ экзамены. Но кажется болѣе естественно и справедливо думать, что напротивъ, чѣмъ лучше будетъ обученіе, тѣмъ менѣе нужны экзамены. Съ этимъ въ сущности согласенъ и почтенный педагогъ. Вотъ что говоритъ онъ.

Желательнымъ и полезнымъ представляется переводъ лучшихъ учениковъ, при извѣстныхъ условіяхъ, *безъ экзамена* въ старшіе классы. Такому переводу могутъ подлежать только ученики, добросовѣстно трудившіеся въ теченіе года, по всѣмъ предметамъ имѣющіе очень хорошія отмѣтки, не допускавшіе манкировокъ и опущеній въ занятіяхъ, добраго поведенія. Переводъ совершается по единогласному опредѣленію *всѣхъ* наставниковъ класса, съ разрѣшенія правленія и съ утвержденія преосвященнаго. Мѣра эта общааетъ многія выгоды и является вполне примѣнимой. Для учениковъ, удостоенныхъ такого перевода, она служила бы справедливой наградой за отличное усердіе, постоянство въ занятіяхъ, безупречную исправность въ теченіе года; въ глазахъ другихъ учениковъ мѣра эта, возвысивъ значеніе этихъ качествъ, вызвала бы благородное соревнованіе. Въ то же время она возвысила бы значеніе наставниковъ и педагогическихъ совѣтовъ, уменьшила бы значеніе формализма въ опѣнкахъ учениковъ и содѣйствовала бы болѣе тѣсной связи учителя съ учениками. Все это весьма желательно.

Вотъ здѣсь то мы и находимъ нѣкоторую логическую не-

последовательность. Почтенный педагогъ считаетъ экзамены бесполезными при плохомъ обученіи и цѣлесообразными при хорошемъ; а между тѣмъ отмѣняетъ экзамены для хорошо обученныхъ учениковъ и оставляетъ ихъ въ силѣ для плохо обученныхъ. Очевидно и онъ былъ склоненъ думать, что при хорошемъ обученіи экзамены еще менѣе нужны.

Мысль объ отмѣнѣ переводныхъ экзаменовъ для лучшихъ учениковъ есть мысль въ высшей степени благая и плодотворная. Противъ нея можно сдѣлать развѣ одно замѣчаніе, что она предъявляетъ слишкомъ высокія требованія къ ученикамъ. Для полученія по всѣмъ предметамъ высшихъ отмѣтокъ (5 и 4) часто недостаточно бываетъ среднихъ дарованій и весьма значительнаго прилежанія, а въ большинствѣ случаевъ необходимы способности выше средняго. Дѣлать переводъ безъ экзамена лишь наградою такихъ способностей и заставлять учениковъ не очень даровитыхъ, но прилежныхъ, изо всѣхъ силъ и въ тоже время безуспѣшно тянуться и надрываться, едвали и справедливо, и гуманно. Мы находимъ въ этомъ случаѣ болѣе справедливыми требованія, предложенныя г. министромъ Н. Пр., по которымъ ученикъ для перевода въ высшій классъ безъ экзамена обязанъ имѣть лишь двѣ отмѣтки по 4. Впрочемъ, этотъ вопросъ несущественный, и онъ самъ собою разрѣшился бы при примѣненіи его къ практикѣ.

Итакъ еще въ 1892 году одинъ нашъ почтенный педагогъ пришелъ къ тому, что съ нѣкоторыми измѣненіями въ 1895 году было введено въ уставъ реальныхъ училищъ и въ 1900 г. въ уставъ гимназій. Его мнѣніе, обнародованное необычнымъ путемъ, но по распоряженію г. Оберъ-Прокурора, въ циркулярѣ по духовно-учебному вѣдомству, означало нѣчто болѣе, чѣмъ частное мнѣніе одного лица. И вина педагогическихъ совѣтовъ семинарій и училищъ, что они въ свое время не воспользовались даннымъ имъ внушеніемъ. Еслибы тогда они откликнулись съ сочувствіемъ на мысль объ отмѣнѣ экзаменовъ для лучшихъ учениковъ, то быть можетъ духовное вѣдомство въ дѣлѣ отмѣны испытаній на много опередило бы министерство Н. Пр. Если прежде у педагогическихъ совѣтовъ семинарій и училищъ могло быть еще сомнѣніе въ успѣшности опыта, то теперь въ виду компетентнаго заявленія г. министра Н. Пр., осно-

ваннаго несомнѣнно на отзывѣхъ педагогическихъ совѣтовъ гимназій и прогимназій, что отмѣна экзаменовъ для успѣвающихъ учениковъ оказалась на практикѣ соответствующею учебнымъ и воспитательнымъ планамъ, выраженная въ циркулярѣ 1892 г. мысль едвали можетъ вызывать основательныя возраженія. А пора бы вспомнить о духовномъ юношествѣ, страдающемъ подъ гнетомъ тяжкихъ „испытаній“ и безцѣльно растрачивающихъ свое всеѣмъ нужное здоровье. По мнѣнію одного врача (Вѣстникъ Восп. 1899, № 7, стр. 164—165),

на экзамены можно смотрѣть, какъ на своего рода болѣзнь и болѣзнь тяжелую, сопровождающуюся, подобно другимъ расстройствамъ, рѣзко вліяющимъ на питаніе органовъ и тканей, паденіемъ вѣса; а на ряду съ этимъ неизбежно должна страдать—центральная нервная система, какъ главный очагъ, къ которому въ страдное экзаменаціонное время предъявляются усиленныя требованія.

Не нужно быть и врачомъ, чтобы видѣть вліяніе экзаменовъ на здоровье учащихся. Безкровное лицо, нервное дрожаніе рукъ и ногъ, постоянное вздрагиваніе, какъ въ лихорадкѣ, нервная рѣчь, въ которой слова, вылетая изъ устъ въ какомъ то хаотическомъ безпорядкѣ, опережаютъ мысль, частые случаи головокруженія и нервныхъ припадковъ—вотъ картины, къ которымъ такъ привыкли экзаменующіе. Недостатокъ сна, постоянное нервное возбужденіе и чрезмерная умственная работа обезсиливаютъ голову, дѣлаютъ ее неспособной часто къ воспріятію самыхъ простыхъ вещей; ощущеніе умственной безпомощности на ряду съ острымъ сознаніемъ необходимости спѣшить подготовкой порождаетъ во многихъ ученикахъ весьма мучительное состояніе. Для такихъ учениковъ экзаменъ является вреднымъ не только въ физическомъ, но въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. И если для учениковъ, неуспѣвавшихъ въ теченіе года, онъ служитъ какъ бы искупительнымъ наказаніемъ, то для учениковъ трудолюбивыхъ онъ не имѣетъ оправданія.

В. Мышцынъ.
